

СОВРЕМЕННЫЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ – МЕЖДУ СИСТЕМНЫМ КРИЗИСОМ И ИНЕРЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ

М.Д.Розин, С.Я.Суций

Северный Кавказ – один из наиболее проблемных регионов современной России. Причем по мнению значительной части отечественного экспертного сообщества, ситуация в ряде республик в последние годы устойчиво ухудшается. Существующее положение определяется, как системный кризис региона. Показательна в этом отношении точка зрения В.А.Авксентьева, одного из ведущих конфликтологов Юга России. Ученый указывает, что 2008 г. – был последним годом, когда инерционный сценарий развития Северного Кавказа, реализуемый с начала XXI в., мог вывести данный национальный регион на конструктивную траекторию развития. Уже с 2009 г. реализуется негативный конфликтологический сценарий, требующий принципиально иных управленческих усилий и решений [1]. В качестве выхода предлагается, как можно более быстрый переход в управлении самым сложным макрорегионом РФ к системному «менеджменту» (комплексное использование последнего, заметим, жизненно необходимо не только на проблемном Юге России, но и во всей остальной РФ – всех сферах федеральной и региональной управленческой практики).

Анализ процессов происходящих на Северном Кавказе действительно обнаруживает длинный ряд негативных тенденций [2,3]. Однако ими содержательная канва происходящего в данном крайне сложном и разнообразном национальном макрорегионе, не исчерпывается. Даже достаточно поверхностный обзор местной социальной динамики последних лет обнаруживает ее многослойный и многосоставной характер; совокупность противоречивых трендов, локальных достижений и потерь, соотношение которых разнится не только по отдельным республикам, но и по каждому из аспектов их социальной жизни.

В этой связи возникает вопрос, насколько происходящее на современном Северном Кавказе может быть определено как системный кризис. В пределах данной ограниченной публикации, столь «масштабный» вопрос может быть рассмотрен только в самом первом приближении. Имеет смысл коротко остановиться на наиболее проблемных аспектах социальной действительности Северного Кавказа, которые в принципе и дают повод говорить о его кризисном состоянии.

Террористическая активность.

Минимальный уровень террора в макрорегионе пришелся на середину «нулевых», когда казалось, что после существенного сокращения НВФ Чечни в 2003-2005 гг., дело постепенно близится к почти полной ликвидации регионального бандподполья. Вместо это-

го последовала его пространственная децентрализация, рост террористической активности в Дагестане и Ингушетии. На месте одного (чеченского) эпицентра, на Северном Кавказе образовалось три, сопоставимых по масштабам центра террора. Притом, что их совокупный боевой потенциал уступал чеченскому образцу 2001-2002 годов (рис. 1). Если в начале XXI в. региональное бандподполье заключало порядка 2,5-3,5 тыс. боевиков, то к концу «нулевых» их число сократилось до 1-1,2 тыс. человек. А в самые последние годы, очевидно, сократилось до 800-900 человек.

Рис. 1. Боевое ядро (НВФ) северокавказского бандподполья

Продолжилась в последние годы и межреспубликанская «перецентрировка» террористической активности. Из наиболее значимых подвижек отметим быстрый рост (с весны 2010 г.) активности бандподполья Кабардино-Балкарии, при параллельном не менее ощутимом его сокращении в Ингушетии, на протяжении 2008-2009 гг. являвшейся едва ли не ведущим регионом Северного Кавказа по активности террора.

Активность бандподполья в Дагестане и Чеченской республике в 2010 г. сохранялась на уровне предыдущих двух лет, но для Чечни есть основания предполагать в некотором сокращении боевого потенциала республиканских НВФ. И в целом, в силовой компоненте антитеррористической деятельности на Северном Кавказе, в последние 1-2 года фиксируются определенные успехи, прежде всего, связанные с повышением эффективности работы силовых структур по ликвидации руководителей бандподполья, а также уничтожению и/или нейтрализации целых боевых групп (в 2010 г. было уничтожено порядка 400 боевиков, в т.ч. 30 руководителей среднего и высшего звена, около 400 террористов и пособников задержано) [4].

Рис. 2. Динамика террористической активности в регионах СКФО, 2009 - середина 2011 года

В настоящее время северокавказские НВФ успевают восполнять понесенные потери. Однако, это требует от них все возрастающих усилий. С учетом демографического фактора (постепенное сокращение молодежных генераций, представители которых формируют основной контингент боевиков), уже с 2014-2015 гг. можно ожидать определенного сокращения количественных размеров НВФ, как и сокращения обслуживающей террористическое вооруженное подполье инфраструктуры. Конечно, для его ликвидации или кардинального перелома в борьбе с региональным бандподпольем абсолютно недостаточно успешной работы одних силовиков. Но, повторим, ситуация на данном направлении в 2010 – начале 2011 гг. в целом по Северному Кавказу не изменилась к худшему. Скорее наблюдается колебательная динамика активности террора, пространственная трансформация общего его ареала и основных эпицентров, удельные сдвиги различных форм подрывной деятельности, изменение соотношения отдельных источников финансирования и т.д. Иными словами, террористический «комплекс» Северного Кавказа в последние годы находится не в стадии активного роста, но пребывает в процессе непрерывной трансформации.

ции/адаптации, что вполне закономерно, учитывая масштабы антитеррористической кампании.

Социально-экономическая сфера.

Характер и масштаб экономических проблем северокавказских республик хорошо известны. Постсоветская экономическая архаизация была связана не только с деиндустриализацией, утратой значительной части основных фондов, но, «тенеvizацией» наиболее прибыльных сегментов экономики, но и потерей навыков производственной культуры у местного населения. Последняя, в свою очередь, является одной из причин крайне высокого уровня безработицы в ряде республик, сохранению которой способствует в т.ч. масштабное дотирование местной социальной сферы федеральным бюджетом и связанное с ним развитие в республиканских сообществах «иждивенческого комплекса». Как результат, сформировалось цепочка негативных социально-экономических корреляций, устойчиво воспроизводящая себя на протяжении последних 10-15 лет (рис. 3).

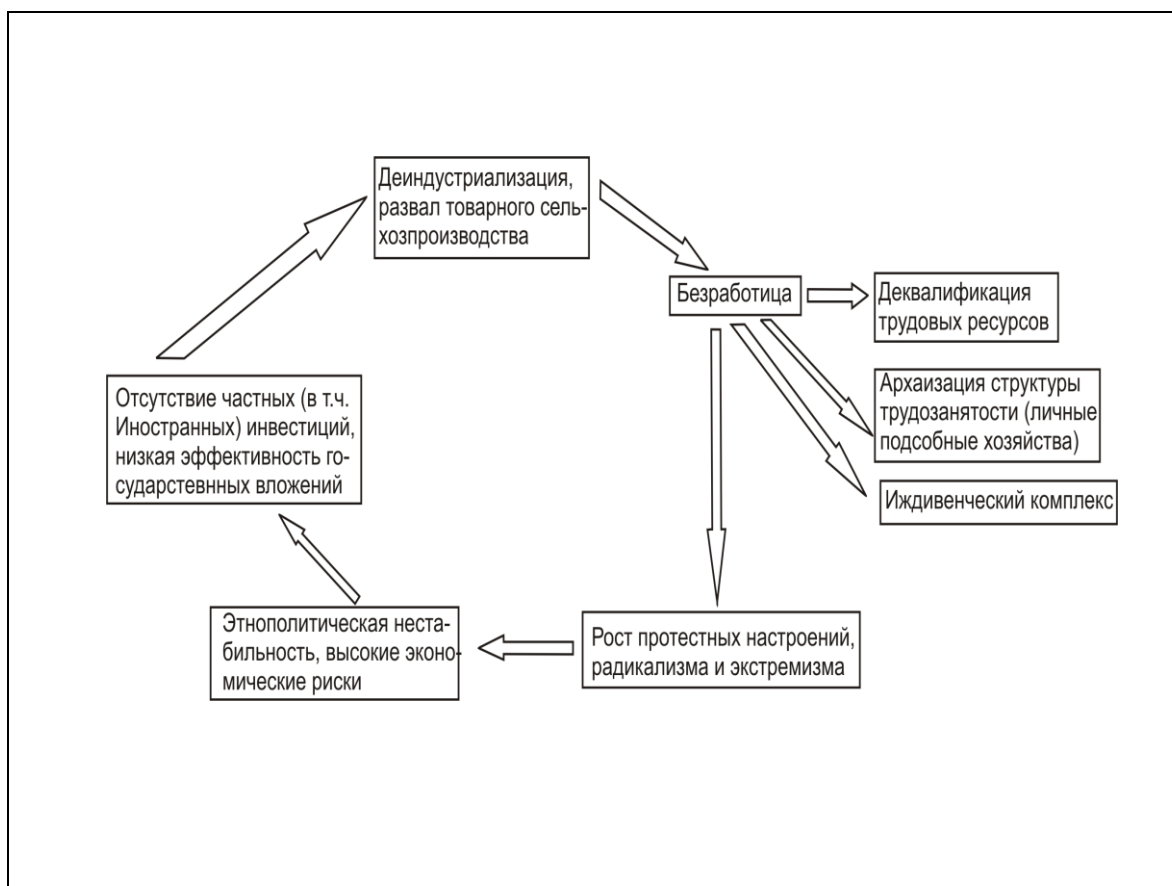

Рис. 3. Корреляционная цепочка социально-экономического торможения республик Северного Кавказа

Однако положение существенно различается по отдельным республикам. Наиболее сложной в этом отношении является ситуация в Ингушетии и Чечне, реального механизма

вывода которых из состояния хронической экономической стагнации пока не найдено. Но ничего принципиально нового в экономику этих республик последние годы не принесли. И едва ли корректно говорить об их «экономическом кризисе», тем более, что республиканские сообщества в значительной степени вполне адаптированы к существующей в них социально-экономической ситуации, а наличие стабильного, масштабного финансирования из федерального центра – дополнительный серьезный фактор стабилизации.

Экономика других республик Северного Кавказа более динамична. В каждой имеются свои серьезные проблемы, но и определенные успехи и достижения, определенный потенциал развития и свои направления роста. А сопредельный Чечне Дагестан на протяжении ряда лет вообще демонстрирует достаточно быстрые темпы экономического (в т.ч. промышленного) роста, являясь наряду со Ставропольским краем – регионом-лидером СКФО (при всех возможных критических уточнениях, экономический подъем республики несомненен). Безусловно, разработанная в 2010 г. и, принятая к реализации «Стратегия социально-экономического развития СКФО до 2025 гг.» – не панацея. И не станет таковой, даже в случае своей полной реализации (притом, что реализуемость ее достаточно сомнительна). Экономическая сфера макрорегиона останется «высокопроблемной» на всю обозримую перспективу, а имеющейся в республиках потенциал роста, как свидетельствует практика, реализовать будет весьма сложно. Но ситуация в этом плане далеко не безнадежна. И, представляется, что для происходящего в экономике большинства северокавказских республик более приложимо определение – инерционное развитие, а не системный кризис.

Сфера государственного управления и правоохранительной деятельности.

Низкие профессиональные качества управленческого аппарата и правоохранительных органов, высокий уровень их коррупционности, этноклановость – еще одна «ахиллесова пята» республиканских социумов. Однако весь набор «пороков» местной власти уходит корнями в советский период, а в современном «развернутом» виде фиксируется в республиканской жизни уже с середины 90-х (т.е. как минимум 10-15 лет). На вопрос – существенно ли ухудшились показатели эффективности северокавказской бюрократии в последние годы, скорее следует дать отрицательный ответ. Другое дело, что необходимо учитывать фактор общественного «терпения» - с течением времени даже устоявшийся уровень «порочности/некомпетентности» воспринимается обществом с нарастающим раздражением, становясь одной из основных причин роста протестного потенциала в республиках.

Но Северный Кавказ в последние годы являет примеры и положительных подвижек в данной сфере. Укажем на Ингушетию, деятельность высшего руководства республики по «самоочищению» управленческого аппарата, сокращению масштабов коррупции и повы-

шению профессионального уровня принимаемых решений. При этом власть существенно расширила каналы обратной связи с обществом, позволяющие перейти от монолога к реальному двухстороннему взаимодействию (один из результатов этой работы, сокращение масштабов террора). Едва ли в обозримой перспективе качество республиканских властей в регионе существенно вырастет, но маловероятным его дальнейшее ухудшение. Учитывая повышенное внимание федерального центра к данной проблеме, а также совокупность процессов в сопредельных сферах социальной жизни Северного Кавказа, не исключен и сценарий очень замедленного, но совершенствования работы республиканских властей и правоохранительных органов.

Сфера межнациональных отношений, религиозная жизнь.

При всей очевидной сложности положения в сфере межнациональных взаимодействий на Северном Кавказе, при наличии множества локальных конфликтов в Дагестане, хронической этнополитической напряженности в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, выходящей время от времени в зону обострения, последние годы в макрорегионе обходятся без масштабных межнациональных конфликтов, аналогичных тем, которыми ознаменовались рубеж и первая половина 90-х. Очевидно, что состояние «дружбы народов», отличавшей макрорегион в период советской стабильности 60-70-х гг. в обозримой перспективе возврату не подлежит (напомним, впрочем, что стабильность межнациональных взаимодействий советского периода далеко не всегда не означало их реальную оптимизированность). Тектонические подвижки социальной жизни конца XX в. привели этнополитику Северного Кавказа в состояние «стабильной нестабильности». И это надолго, может быть даже по меркам истории.

Задача федерального центра и республиканских властей, контролировать и оперативно регулировать данную этнополитическую «хронику», не позволяя ситуации выходить из-под контроля, «выскакивать» из области фонового или даже повышенного напряжения в критическую зону (точка социальной бифуркации), чреватую непредсказуемой динамикой. В определенной степени власть уже научилась отслеживать и управлять этноконфликтной энергетикой, тем более, что принципиально новых угроз и рисков в сфере межнациональных взаимодействий на Северном Кавказе в последние годы не появилось.

«Исламизация» общества, стремительное возрождение религии в постсоветский период, является одним из основных факторов современной социальной динамики Северного Кавказа, определяющим в т.ч. и его способности к системной модернизации. Влияние данного фактора на социальную жизнь многообразно и противоречиво. Религиозная «истовость» части населения, сопряженная с социально-идеологическим радикализмом – одна из причин широкого распространения на Северном Кавказе экстремистских практик,

важное условие живучести регионального террористического подполья. Тем не менее, есть определенные основания предполагать, что пиковые уровни религиозности молодежи в самых проблемных республиках макрорегиона уже достигнуты и доля «истовых» в последующих молодежных поколениях должна быть несколько ниже. По крайней мере, для периода после 2015 г. более вероятным представляется определенное сокращение уровня религиозного фанатизма, нежели сохранение его существующего уровня, тем более его дальнейший рост.

Итак, социальная динамика Северного Кавказа последних лет, как представляется, обнаруживает в целом не столько устойчиво негативный тренд, сколько сложную кривую, которая, в свою очередь, раскладывается на ряд «синусоид», каждая из которых отражает сложную динамику одного из сегментов этнополитической, этноконфессиональной, социально-экономической, социокультурной жизни данного макрорегиона и отдельных его региональных сообществ. При этом контуры данных «отраслевых» синусоид не совпадают во времени. То есть в один и тот же временной отрезок по одним показателям фиксируется определенная стабилизация (или даже улучшение) ситуации, а по другим – динамика оказывается отрицательной.

Суммарная производная данных разнонаправленных векторов оказывается слишком сложной и многослойной, чтобы можно было однозначно говорить об устойчивом переходе всего Северного Кавказа на негативный сценарий развития. Учитывая сложноструктурированный характер данного макрорегиона, подобная «интегральная» оценка/констатация едва ли возможна вообще. Речь скорее должна идти только о фиксации основных трендов отдельных республиканских социумов. Отметим, что модельные исследования данной проблемы, соответствующие по постановке задачи и уровню ее решения, находятся пока в начальной стадии [5,6].

Но, пожалуй, более существенно другое. Осмелимся предположить, что для современной России вообще не существует отдельно взятой проблемы Северного Кавказа, но есть одна интегральная проблема «России для самой себя» – проблема ее собственного системного состояния: общественно-политической устойчивости и социально-экономического динамизма, способности/неспособности решить основные проблемы своего развития (от демографической до научно-технической). В обиходных актуальных задач, формирующих общую «свехзадачу» составным элементом входит и проблема Северного Кавказа.

Насколько Россия окажется в состоянии ответить на центральные вызовы времени, насколько она будет успешной в современном мире зависит в долгосрочной перспективе и ситуация в самом проблемном ее национальном макрорегионе. И наоборот: ситуация в

данном макрорегионе – это в известной мере индикатор общего состояния РФ, проверка ее способности решать основные задачи своего развития. Между системной «успешностью» России в глобальной политической и социально-экономической системе и уровнем стабильности Северного Кавказа обнаруживается прямая зависимость.

Чем лучше Россия будет справляться со стратегическими задачами своего развития, тем быстрее будет идти модернизационный транзит северокавказских национальных обществ, и, в конечном счете, тем ниже будет уровень их «проблемности». Соответственно, чем проблемней окажется будущее развитие РФ, тем выше вероятность комплексного роста кризисных тенденций в ее Южном макрорегионе. С другой стороны характер, формы и способы решения федеральным центром проблематики Северного Кавказа – есть иллюстрация общих алгоритмов, реализуемых в современной российской властью в своей управленческой практике.

Если власть максимально забюрократизирована, экстенсивна, насквозь проедена коррупцией, данные ее качества будут проявляться при решении всех стоящих перед страной стратегических задач, будь это улучшение демографической ситуации, развитие сельской периферии Нечерноземья или борьба с северокавказским экстремизмом. Иными словами переход от существующих форм «работы» с проблематикой Северного Кавказа к более интенсивным и эффективным вариантам, предполагает аналогичную интенсификацию и оптимизацию в масштабах всей российской государственной практики. Насколько это вероятно?

Анализ динамики РФ в первом десятилетии XXI в. позволяет говорить об инерционном сценарии ее развития, который с большой вероятностью будет продолжен и во втором десятилетии. Данный сценарий может быть обозначен как путь *консервативно-бюрократической эволюции* (рис. 4), не позволяющий стране совершить прорыв в решении поставленных стратегических задач, но и не запускающих ситуацию в любой из сфер социальной жизни настолько, чтобы это дестабилизировало РФ до состояния глубокого кризиса, тем более привело ее к социальной революции. Данный инерционный сценарий развития, с рельефной местной спецификой отчетливо просматривается и в социальной динамике современного Северного Кавказа.

Рис. 4. Современная Россия – инерционный сценарий развития (*консервативно-бюрократическая эволюция*)

Литература:

1. Авксентьев В.А. Федеральные округа и опыт полпредов в решении северокавказских проблем // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. – Ростов-на-Дону^ Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 66-67
2. Розин М.Д., Суций С.Я. Бандподполье Дагестана – моделирование динамики во втором десятилетии XXI века// Инженерный вестник Дона, 2011. – №3. – Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/562/>.
3. Розин М.Д., Суций С.Я. Реалии и перспективы Чеченской республики – экспертный анализ и моделирование ситуации// Инженерный вестник Дона, 2011. – №3. – Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/563/>.
4. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том V. (Специальный выпуск – Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 104.

5. Розин М.Д. Модельный подход к анализу и прогнозированию процессов социальных взаимодействий на Юге России // Инженерный вестник Дона, 2010. – №2. – Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/magazine/latest/n2e2010/195/>.

6. Свечкарев В.П. Системный подход к формированию комплекса структурно-функциональных и социально-математических моделей динамики северокавказского вооруженного подполья // Инженерный вестник Дона, 2011. – №3. – Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/564/>.